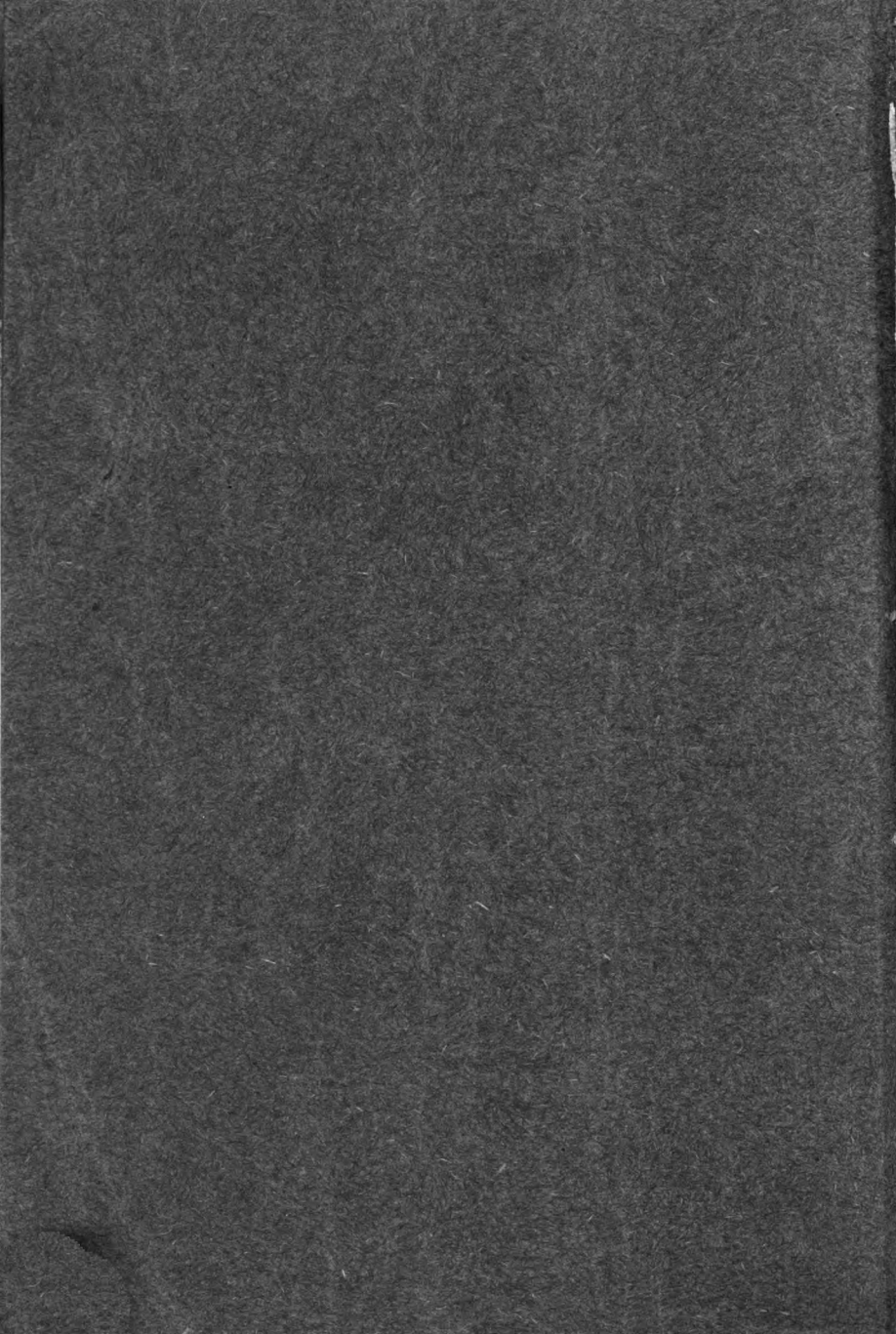

Н. ТРОЦКІЙ.

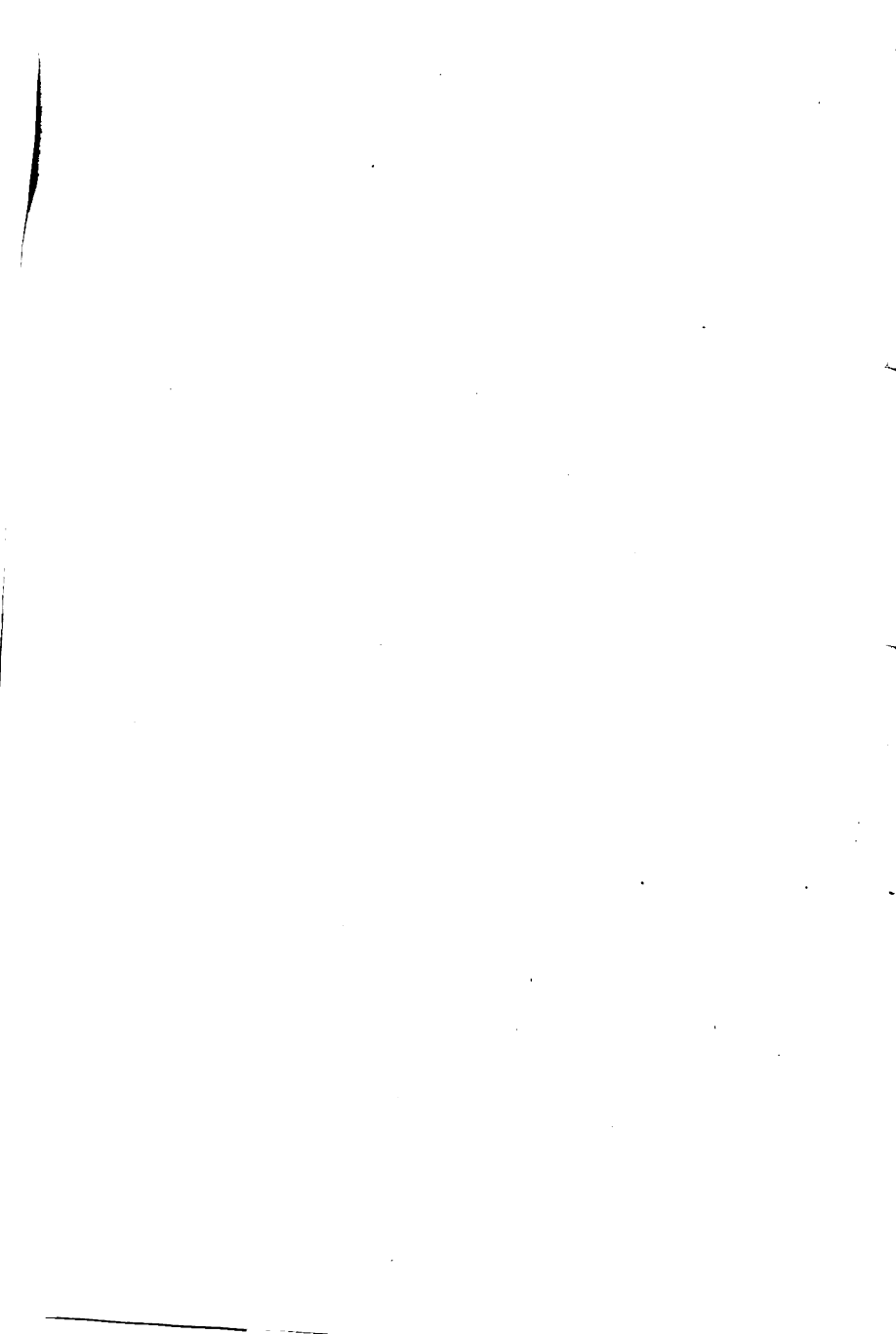
ТУДА И ОБРАТНО.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1907.

65

L. "Trotskii"

Н. ТРОЦКИЙ.

ТУДА И ОБРАТНО.

Вмѣсто предисловія.

- I. Отъ Петербурга до Березова.— Совѣтъ
Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ.
- II. Мой побѣгъ.— 800 верстъ на оленяхъ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

1907.

DK770
.T8

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнерева и К^о), Фонтанка, 117.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

На Стокгольмскомъ социалдемократическомъ съѣздѣ были опубликованы нѣкоторыя любопытныя статистическія данныя, характеризующія условія дѣятельности партіи пролетаріата:

Съѣздъ въ составѣ своихъ 140 членовъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ общемъ 138 лѣтъ 3 $\frac{1}{2}$ мѣсяца.

Съѣздъ пробылъ въ ссылкѣ 148 лѣтъ 6 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ.

Изъ тюрьмы бѣжали: по одному разу—18 человекъ, по 2 раза—4 человека.

Изъ ссылки бѣжали: по одному разу—23 человека, по 2 раза—5 человекъ, 3 раза—1 человекъ.

Если принять во вниманіе, что въ социалдемократической дѣятельности съѣздъ участвовалъ въ общемъ 942 года, то окажется, что пребываніе въ тюрьмѣ и ссылкѣ составляетъ по времени около одной трети участія въ работѣ. Но и эти цифры очень оптимистичны: „съѣздъ

участвовалъ въ социалдемократической работѣ 942 года“,—это значить лишь, что политическая дѣятельность участниковъ съѣзда размѣщается на протяженіи 942 лѣтъ; но это вовсе не значить, что всѣ 942 года сплошь заполнены политической работой. Можетъ быть, *дѣйствительная, непосредственная* дѣятельность при условіяхъ подполья составляла лишь одну пятую или одну десятую часть этого срока. Наоборотъ, пребываніе въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ было именно такимъ, какимъ его изображаютъ цифры: свыше 50 тысячъ дней и ночей съѣздъ просидѣлъ за рѣшеткой и еще большій періодъ времени провелъ въ варварскихъ уголкахъ страны.

Можетъ быть, намъ позволено будетъ, въ дополненіе къ этимъ даннымъ, привести немножко статистики изъ собственного прошлаго. Въ первый разъ авторъ этихъ строкъ, арестованный въ январѣ 1898 г., послѣ десяти тысячной дѣятельности въ рабочихъ кружкахъ г. Николаева, просидѣлъ $2\frac{1}{2}$ года въ тюрьмѣ и бѣжалъ изъ ссылки, отбывъ предварительно 2 года изъ своего четырехлѣтняго срока. Второй разъ авторъ былъ арестованъ 3-го декабря 1905 г., какъ членъ петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Совѣтъ существовалъ 50 дней. Осужденные по дѣлу Совѣта просидѣли въ общемъ въ тюрьмѣ 400 дней, послѣ чего были препровождены въ Обдорскъ на „вѣчное поселеніе“...

Каждый русский социалдемократъ, проработавшій въ партіи лѣтъ 10, дастъ о себѣ приблизительно такія же свѣдѣнія.

Существуемая у насъ послѣ 17-го октября государственная неразбериха, которую готскій альманахъ съ безсознательнымъ юморомъ юридическаго педантизма характеризуетъ, какъ *конституціонную монархію при самодержавномъ царѣ*, ничего не измѣнила въ нашемъ положеніи. Этотъ строй не мирится съ нами, даже временно, потому что онъ органически не вмѣщаетъ сознательной жизнедѣятельности народныхъ массъ. Простакі и лицемеры, которые призываютъ насъ встать на почву права, похожи на Марію-Антуанету, которая рекомендовала голодающимъ крестьянамъ ѣсть брѣюшъ! Подумаешь, что мы страдаемъ какимъ-то недугомъ органическаго отвращенія къ брѣюши! Подумаешь, что наши легкія заражены непобѣдимымъ влеченіемъ къ атмосферѣ одиночныхъ пещеръ Петропавловской крѣпости! Подумаешь, что мы не хотѣли бы или не сумѣли бы дать другое примѣненіе тѣмъ безконечно-долгимъ часамъ, которые тюремщикъ вырываетъ изъ нашей жизни!

Мы такъ же мало влюблены въ наше подполье, какъ утопленникъ—въ морское дно. Но у насъ такъ же мало выбора,—скажемъ прямо,—какъ и у абсолютизма. Ясное сознаніе этого позволя-

еть намъ оставаться оптимистами даже въ тѣ минуты, когда подполье съ зловѣщей беспощадностью стягиваетъ кольцомъ нашу шею. Оно не задушить насъ, мы въ этомъ увѣрены! Мы переживемъ всѣхъ! Когда истлѣютъ кости тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя теперь дѣлаются князьями земли, ихъ слугами и слугами ихъ слугъ, когда нельзя будетъ разыскать могилы, въ которой будутъ похоронены многія нынѣшнія партіи со всѣми своими дѣянiями,—тогда дѣло, которому мы служимъ, будетъ владѣть міромъ, тогда наша партія, задыхающаяся нынѣ въ подпольѣ, растворится въ человечествѣ, которое впервые овладѣетъ собственной судьбой.

Вся исторiя — это огромная машина на службѣ нашихъ идеаловъ. Она работаетъ варварски медленно, съ безчувственной жестокостью, но она дѣлаетъ свое дѣло. Мы увѣрены въ ней. И только въ тѣ минуты, когда ея прожорливый механизмъ поглощаетъ въ качествѣ топлива живую кровь нашихъ сердецъ, намъ хочется крикнуть ей изо всѣхъ силъ:

— Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе!

Н. Т.

8/21 апр. 1907 г.

Парижъ.

ТУДА.

Т у д а.

(Изъ писемъ).

3 января 1907 г.

Вотъ уже часа два-три, какъ мы въ пересыльной тюрьмѣ. Признаюсь, я съ нервнымъ безпокойствомъ разставался со своей камерой въ „предварилкѣ“. Я такъ привыкъ къ этой маленькой каютѣ, въ которой была полная возможность работать. Въ пересыльной, какъ мы знали, насъ должны помѣстить въ общую камеру,—что можетъ быть утомительнѣе этого? А далѣе—столь знакомая мнѣ грязь, суматоха и безтолковщина этапнаго пути. Кто знаетъ, сколько времени пройдетъ, пока мы доѣдемъ до мѣста? И кто предскажетъ, когда мы вернемся обратно? Не лучше ли было бы по-прежнему сидѣть въ № 462, читать, писать и — ждать?.. Для меня, какъ вы знаете, большой нравственный подвигъ—переселиться съ квартиры на квартиру. А переѣздъ изъ тюрьмы въ тюрьму стократно мучительнѣе. Новая администрація, новыя тренія, новыя усилія, направленные на то, чтобъ создать не слишкомъ безобразныя отношенія. Впереди же предстоитъ непрерывная смѣна на-

чальственныхъ фигуръ, начиная съ администраціи петербургской пересыльной тюрьмы и кончая стражникомъ сибирскаго села на мѣстѣ ссылки. Я уже продѣлывалъ однажды этотъ курсъ и теперь безъ особеннаго вкуса приступаю къ его повторенію.

Насъ перевезли сюда сегодня внезапно, безъ предупрежденія. Въ приѣмной заставили переодѣться въ арестантское платье. Мы продѣлали эту процедуру съ любопытствомъ школьниковъ. Было интересно видѣть другъ друга въ сѣрыхъ брюкахъ, сѣромъ армякѣ и сѣрой шапкѣ. Классическаго туза на спинѣ, однако, нѣтъ. Намъ разрѣшили сохранить свое бѣлье и свою обувь. Большой взбудораженной компаніей мы ввалились въ нашихъ новыхъ нарядахъ въ камеру...

Отношеніе къ намъ здѣшней администраціи, вопреки дурнымъ слухамъ о „пересылкѣ“, оказалось весьма приличнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже предупредительнымъ. Есть основанія предполагать, что тутъ не обошлось безъ специальныхъ инструкцій: наблюдать зорко, но инцидентовъ не создавать!

Самый день отъѣзда по-прежнему окружаютъ величайшей таинственностью: очевидно, боятся демонстрацій и попытокъ насильственнаго освобожденія въ пути.

10 января.

Пишу вамъ на ходу поѣзда... Теперь часовъ 9 утра.

Насъ разбудилъ сегодня ночью въ половинѣ четвертаго старшій надзиратель—большинство изъ насъ едва успѣло улечься, увлеченные шахматной игрой—и заявилъ, что въ шесть часовъ насъ отправляютъ. Мы такъ долго ждали отправки, что часъ отъѣзда поразилъ насъ своей... неожиданностью.

Дальше все, какъ слѣдуетъ. Спѣша и путаясь, мы уложили вещи. Затѣмъ спустились въ пріемную, куда привели и женщинъ съ дѣтьми. Здѣсь насъ „принялъ“ конвой и спѣшно осмотрѣлъ вещи. Сонный помощникъ сдалъ офицеру наши деньги. Затѣмъ насъ усадили въ арестантскія кареты и подъ усиленнымъ конвоемъ доставили на Николаевскій вокзалъ. Замѣчательно, что нашъ конвой сегодня экстренно прибылъ изъ Москвы: очевидно, на петербургскій не полагались. Офицеръ при пріемѣ былъ очень любезенъ, но на всѣ запросы съ нашей стороны отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Онъ заявилъ, что нами завѣдуетъ жандармскій полковникъ, который отдаетъ всѣ распоряженія. Ему же, офицеру, приказано насъ доставить на вокзалъ — и только. Возможно, конечно, что это простая дипломатія съ его стороны.